

Фань Сянь, держа в руке свиток со стихами, какое-то время не знал, что ответить. Накануне вечером он виделся с Чжуан Моханем, но не ожидал, что это будет последняя встреча. Хотя он тогда и заметил, что Чжуан Мохань уже не столь бодр, как в прошлом году, он всё же не ожидал, что литературный корифей их эпохи покинет этот мир так скоро.

Последней волей Чжуан Моханя было передать эту книгу, результат его последней в жизни работы, Фань Сяню, и скрытый смысл понять было непросто.

В это время чиновники, провожавшие его за город, один за другим узнавали печальную новость. Скорбь начала овладевать ими, и всё больше чиновников Северной Ци обращали своё внимание на Фань Сяня, глядя на него с настороженностью, с негодованием, с некоторым подозрением.

Фань Сянь понял, о чём думали жители Северной Ци. Единственное порочащее пятно на жизни Чжуан Моханя было поставлено им, но теперь, когда Чжуан Мохань уже скончался, ему стало немного грустно, и он подсознательно полностью отфильтровал эти исполненные сложных чувств взгляды.

Пока он об этом думал, наконец с большим трудом подъехала телега от городских ворот, и под внимательными взглядами чиновников она заняла место в конце посольского каравана. Кузов телеги был слегка деформирован и издавал неприятный скрип — можно было подумать, что она везёт что-то очень тяжёлое. Слуга господина Чжуана, доставивший новость, пригласил Фань Сяня подойти к телеге и произнёс дрожащим голосом:

— Господин Фань, по предсмертному наказу хозяина, пожалуйста, заберите это с собой на юг и берегите.

Все ещё не отошли от новости о смерти Чжуан Моханя и, глядя на эту сцену, невольно испытывали любопытство, несмотря на горе. Перед самой смертью Чжуан Мохань ещё и подумал о том, что подарить Фань Сяню.

Солнце уже резало глаза. Фань Сянь прищурился и приподнял плотную ткань, укрывающую телегу, но содержимое всё равно его ослепило.

Книги красотой подобны нефриту: драгоценны, как дом, полный золота, полезны, как тысяча чжун* зерна.

Хотя в телеге не было ни красавиц, ни жемчугов, Фань Сянь всё равно был немного удивлён и тронут. Это же целая куча книг, которые, должно быть, собирал Чжуан Мохань на протяжении всей своей жизни, и, учитывая его положение, можно было, не пролистывая их, догадаться, что это какие-то чрезвычайно редкие старинные издания, которые так просто не найдёшь.

Слуга господина Чжуана почтительно подал ему тетрадку и сказал:

— Господин Фань, это каталог, составленный самим хозяином. На обороте содержатся особые указания по хранению книг.

Фань Сянь вздохнул, опустил ткань, взял тетрадку и внимательно просмотрел её. В нынешние времена, хотя книгопечатание уже значительно продвинулось, печатная книга по-прежнему являлась удивительным явлением, не говоря уже о целой телеге. Думая о старике, преподнёсшем ему книги, он невольно расчувствовался и в этот момент услышал печальный голос слуги:

— Хозяин подарил вам книги, и я надеюсь, что вы, господин, сможете сберечь их.

Фань Сянь знал, что эти слова сказаны слугой по его собственной инициативе, но он сердечно поклонился, сложив руки, и торжественно произнёс:

— Пожалуйста, не беспокойтесь, друг мой. Даже если я, Фань Сянь, умру, эти книги продолжат жить в нашем мире.

В это время чиновники Северной Ци уже собрались вокруг и разглядели, что телега забита книгами. Все эти чиновники прошли государственные экзамены, как они могли не понять ценности телеги, полной книг? Никто из них не ожидал, что перед смертью господин Чжуан все эти драгоценные книги, которые изучал целую жизнь, передаст чиновнику с юга, поэтому сильно удивлялись и даже немного завидовали.

Тайфу понял, что его учитель имел в виду, и не сдержал тихого вздоха.

Книги были всего лишь знаком: Чжуан Мохань использовал их, чтобы показать своё отношение. Это был не только подарок, но и в символическом смысле наследство. Как бы ни заносились государственные служащие Северной Ци, отныне они больше не могли упускать из виду существование Фань Сяня, а положение Фань Сяня в умах учёных всего мира наконец будто бы обрело официальное подтверждение.

Фань Сянь обернулся к тайфу и от всего сердца сказал:

— Сейчас мне было бы правильно и логично вернуться в город и совершить поклонение, иначе я не смогу чувствовать себя спокойно.

В глазах тайфу всё ещё была нескрываемая печаль, и он сейчас всем сердцем стремился вернуться, чтобы поклониться душе наставника. Не особо задумываясь — к тому же его немного утешило предложение Фань Сяня пойти и совершить церемонию, — он согласился. Но вдруг Вэй Хуа, молодой чиновник Приказа придворного этикета, подошёл к ним, поклонился и тихо произнёс:

— Весь мир опечален смертью господина Чжуана. Однако, господин тайфу, господин Фань, расписание для посольства уже определено, церемония завершена, и вернуться в город абсолютно невозможно.

После недолгого молчания Фань Сянь поднял глаза на серо-голубые стены столицы и словно разглядел в небе над головой какое-то плывущее бледно-лиловое свечение. Он поправил свою одежду и глубоко поклонился в сторону города — поклонился до земли, отдавая дань уважения, как полагалось ученику.

Тайфу удивился, но понял, что ученического поклона Фань Сяня хватило, чтобы сгладить остаточные последствия прошлогоднего скандала и позволить с уважением установить поминальную табличку великому учёному господину Чжуану. В глубине души он немного успокоился и тоже отдал поклон.

Прозвучал салют, но было непонятно, это в честь проводов посольства или души покойного. По всему небу летали клочья бумаги, а едкий запах дыма вмиг рассеялся без следа, как и всё в этом изменчивом мире.

Посольский караван медленно тронулся и направился на запад по казённому тракту. Чиновники Северной Ци, стоявшие позади, наблюдали, как уезжают повозки Южной Цин, как отбывает тяжёлая телега с книгами. Они невольно дружно вздохнули, но сразу же поправили одежду, с печалью на лицах вернулись домой переодеться и поспешили в поместье Чжуан. Как раз сейчас, наверное, туда уже явились вдовствующая императрица и император, и никто не посмел бы проявить неучтивость. Тайфу и несколько важных учёных мужей, когда-то учившихся у Чжуан Моханя, уже плакали, чуть не лишаясь чувств.

Караван продолжал двигаться вперёд и, когда величественные стены столицы постепенно исчезли за зелёными горами и густыми лесами, прибыл на первую почтовую станцию за пределами города. Согласно правилам, большая группа из возвращающихся домой посланников и провожающих невесту должна была провести здесь ночь, а на следующий день продолжить путь. Фань Сянь медленно слез с лошади. Проходя мимо телеги с книгами, он не смог удержаться от того, чтобы обернуться и посмотреть, но запретил себе подходить.

□

Он приблизился к роскошной повозке, выкрашенной в яркие цвета и украшенной сусальным золотом, поклонился и сказал с почтением:

— Мы прибыли на почтовую станцию. Ваше высочество, пожалуйста отдыхать.

Через некоторое время из повозки донёсся слабый голос:

— ...Распоряжайтесь, как пожелаете, господин Фань. Я хотела бы немного посидеть одна.

Фань Сянь впервые услышал голос старшей принцессы и слегка удивился тому, какой он осипший. Затем занавеска повозки поднялась — и появилась дворцовая служанка с красными глазами. Она подошла к нему и тихо сказала:

— Её высочеству нехорошо. Господин Фань, пожалуйста, подождите немного.

Фань Сянь обеспокоенно произнёс:

— Ваше высочество — нежная девица, вполне естественно, что вам трудно вынести дальние переезды. Вам следует больше отдыхать.

Дворцовая служанка при виде милого лица этого господина с юга неизвестно почему ощутила необъяснимое доверие к нему. Она тихо сказала:

— Принцесса когда-то училась у господина Чжуана. Сегодня, получив скорбные вести, она опечалилась.

Теперь Фань Сянь всё понял и смотрел на повозку с некоторым сочувствием. Эта принцесса не казалась какой-то высокомерной: она безутешно плакала, вспоминая своего учителя. Однако Чжуан Мохань скончался в городе, принцесса же была в повозке и не могла отправиться на поклонение, она всё же была из императорской семьи. Вот уж действительно горе!

Он вздохнул, возможно вспомнив о своём происхождении, дал несколько указаний дворцовой служанке, созвал Тигровую стражу и основных сторудников посольства, организовал текущие дела, а затем вошёл на почтовую станцию один.

В ней знали, что здесь будет проезжать посольство и отряд сопровождения невесты, поэтому содержали её в исключительной чистоте, а вся обстановка была организована в соответствии с дворцовыми правилами. После краткого осмотра Фань Сянь прошёл через главную комнату, незаметно вышел через заднюю дверь и исчез на большом поле высокого, выше человеческого роста, гаоляна позади почтовой станции.

Через некоторое время большая часть людей уже вошла на почтовую станцию. Чиновники, временно направленные Министерством церемоний, были очень заняты, поэтому, естественно, никто не заметил, куда ушёл Фань Сянь.

Но возле почтовой станции ещё оставались две повозки, из которых никто не вышел. В одной была старшая принцесса, все знали, что она грустила, поэтому, естественно, не смели её беспокоить. Во второй же повозке, по мнению чиновников Северной Ци, сидел тот прельстивый заграничный демон, поэтому они тем более не обращали на неё внимания. Только специально оставленные Фань Сянем Тигровые стражи и служащие Контрольной палаты очень бдительно

стерегли две повозки.

Уголок занавески последней повозки приподнялся, и белая, холодная на вид рука сделала призывающий жест. Служащий Контрольной палаты, стоявший рядом с повозкой, немедленно подошёл, наклонился к углу окна и тихим голосом спросил:

— Господин Янь, какие будут распоряжения?

В углу окна появилось красивое, но совершенно безразличное лицо Янь Бинъюня, и слышался его шёпот:

— Куда отправился господин?

Фань Сянь — единственный человек в посольстве, которого он мог бы назвать господином. Служащий Контрольной палаты взглянул на него и, понизив голос, ответил:

— Я не знаю.

Янь Бинъюнь нахмурился, словно стеснялся о чём-то говорить. Поколебавшись немного, он наконец тихо спросил:

— Не было ли женщины в светло-зелёной одежде, которая следовала за караваном? Она любит ездить на гнедой лошади.

Служащий Контрольной палаты покачал головой, и Янь Бинъюнь, так же без выражения на лице, опустил занавеску. Получив подтверждение того, что барышня Шэнь не рискнула приехать повидаться с ним, он немного расслабился, но при этом неизвестно почему и немного помрачнел.

За полем гаоляна стояла одинокая беседка, а рядом с ней проходила старая дорога, уже много лет заброшенная. На дороге остановилась повозка, а в беседке ждали две девушки.

Пронёсся порыв ветра, гаолян немного взволновался, оттуда вышел Фань Сянь и спокойно шагнул в беседку. Он нежно взглянул на цветущую красотой девушку и тихо сказал:

— Я не ожидал, что после въезда в столицу Ци, когда у нас наконец появилась возможность серьёзно поговорить, мне уже будет пора уезжать.

Сы Лили слегка улыбнулась ему, её голос дрожал:

— Приветствую, господин.

Фань Сянь не стал продолжать разговор, лишь взглянул на стоявшую рядом Хайтан. Она улыбнулась, засунула руки в карманы, оттолкнулась носком ноги от потрескавшегося пола и вылетела прочь, оставив беседку этой состоящей в странных отношениях паре.

После ухода Хайтан с лица Фань Сяня сразу же исчезла нежность. Он посмотрел на Сы Лили и серьёзно сказал:

— После того как войдёте во дворец, вы должны быть осторожны во всём. Вдовствующая императрица не так уже проста, скрыть от неё что-то нелегко.

Во взгляде, который Сы Лили бросила на него, медленно появился намёк на нежную привязанность, и она тихо спросила:

— Вы говорите только об осторожности, неужели вам больше нечего сказать?

Фань Сянь улыбнулся, но не подошёл, чтобы обнять её слабые плечи, а ответил:

— Раз вы настояли на том, чтобы остаться в Северной Ци, зачем вы сейчас пытаетесь ослабить мою решимость? Может быть, вы, женщины, просто развлекаетесь, пытаетесь дразнить нас, болванов?

Сы Лили легко улыбнулась. Её облик уже совершенно отличался от того бессильного вида, который она демонстрировала в присутствии Хайтан. Она спросила:

— Разве вы так не делаете, господин? Хотя я настояла на том, чтобы остаться в Северной Ци, вы первым завели этот разговор — неужели боитесь, что я попрошу забрать меня обратно в столицу Цин?

Во взгляде Фань Сяня промелькнуло веселье.

— Барышня, возможно, в будущем вы станете хозяйкой Внутреннего дворца Северной Ци, зачем вам вообще водиться с такими людьми, как я?

Сы Лили тоже засмеялась:

— Найти во дворце место, куда голову преклонить, уже хорошо. Как я смею питать слишком большие надежды?

Фань Сянь покачал головой и внезапно сказал:

— Лили, ты чем-то отличаешься от других женщин в Поднебесной.

Сы Лили угукнула, но сразу спокойно ответила:

— Возможно, это потому, что я с детства путешествовала по миру и побывала во многих местах. Я более раскованна, чем те женщины, которые весь день сидят дома, вышивая и сочиняя стихи.

Фань Сянь промолчал, зная, что она действительно права. В сегодняшнем мире удел обычной женщины — сидеть дома и мало кто имеет тот же опыт, что и Сы Лили, и ту же свободу, что и Хайтан. Обернувшись, он посмотрел в ту сторону, где исчезла Хайтан, и посерьёзnel:

— Я верю в ваши способности, но всё же должен предупредить: не нужно недооценивать тех, кто кажется старым, скучным и бестолковым.

Воздух в беседке словно застыл. Спустя долгое время Сы Лили глубоко поклонилась, склонив голову, так что несколько чёрных прядей заплясали на ветру.

— Может быть, вы не верите, но я действительно рада поговорить с вами, как когда-то в повозке.

Фань Сянь смотрел на неё, гадая, сколько из того, что сказала эта женщина, было правдой, а сколько ложью.

Сы Лили слегка улыбнулась, её красивое лицо выглядело чрезвычайно обольстительно.

— Господин, я очень благодарна вам за то, что по дороге вы избавили меня от яда. Я говорю это... искренне.

— Я не Чэнь Пинпин, — сказал Фань Сянь, — я считаю, что даже если интересы очень запутанны, всё можно разрешить сравнительно мягким способом, и я не хочу, чтобы император Северной Ци отравился из-за вас... Конечно, теперь кажется, что этот замысел Чэнь Пинпина с самого начала не имел надежды на успех.

Щёки Сы Лили слегка покраснели: она поняла, что этот мужчина, с которым она сильнее всего сблизилась, уже о чём-то догадался.

Фань Сянь тихо продолжил:

— Барышня, отныне вы будете жить во дворце, у вас будет высокое положение, и, какими бы длинными ни были руки Контрольной палаты, вас она контролировать больше не сможет. Так что будет ли иметь результат наша с вами договорённость, зависит только от наших желаний.

Сы Лили серьёзно ответила:

— Не беспокойтесь, господин.

Фань Сянь взглянул в её прелестное лицо, и голова у него поплыла. Немного сосредоточившись, он сказал:

— Вы на севере ждите новостей и будьте осторожны. Я думаю, не пройдёт много времени, прежде чем кто-то поможет вам отомстить за семью.

Сы Лили внезапно подняла голову и недоверчиво посмотрела на Фань Сяня. Тот проигнорировал удивление в её взгляде, вынул из рукава записку и передал ей со словами:

— Через этого человека можно связаться со мной. Запомните её и сожгите.

Фань Сянь вдруг добавил с улыбкой:

— Я могу позволить вам отказаться от нашего соглашения, но я не потерплю предательства. Этот контакт — односторонний, и, даже если вы выдадите его Северной Ци, от него не будет никакой пользы, так что лучше не рискуйте.

Увидев милую, но странную улыбку этого молодого человека, Сы Лили чуть вздрогнула. Она почему-то немного испугалась и торопливо закивала.

— А ещё, если... — Фань Сянь некоторое время молчал, а затем внезапно заговорил: — Если однажды вы больше не захотите оставаться во дворце Северной Ци, дайте мне знать, я разберусь.

— Спасибо вам, господин. — Сы Лили бессильно склонила голову в благодарности. В этом «спасибо» наконец проявились отголоски искреннего нежелания расставаться, потому что она знала, что после слов благодарности ей придётся уйти. Она печально договорила: — Мы прощаемся и не знаем, когда увидимся снова. Каждый раз от этой мысли у меня сердце рвётся на части.

Сказав это, Сы Лили решительно развернулась и вышла из беседки, а хмурящийся Фань Сянь остался думать о скрытом значении слов «сердце рвётся на части».

Фань Сянь наблюдал, как повозка медленно удаляется по заброшенной старой дороге, с безразличным лицом, однако про себя он глубоко вздохнул, а затем ударил кулаком по колонне беседки. Прощальная беседка давно не чинилась и уже начала шататься, поэтому от

удара Фань Сяня сразу затрещала.

С крыши беседки слетел человек — кто это ещё мог быть, как не Хайтан? Она мягко приземлилась рядом с Фань Сянем и сказала с усмешкой:

— Додо ничего не подслушала.

— Если бы вы подслушивали, — сказал Фань Сянь, — я бы замолчал.

Хайтан улыбнулась и сказала:

— Господин Фань, вы скоро покинете Великую Ци. Не знаю, сможем ли мы снова свидеться.

Фань Сянь подумал о своей сестре, оставшейся дома, и не смог сдержать вздох:

— Я не думаю, что пройдёт много времени... — Он внезапно сменил тему: — Куда делся ваш знаменитый учитель? Я приехал в Северную Ци, но не смог поклониться известному грандмастеру, какая жалость.

Хайтан, подумав, решила не скрывать этого и тихо ответила:

— За три дня до того, как посольство Южной Цин прибыло в столицу, учитель получил деревянную табличку и уехал. Никто не знает, куда он отправился, включая меня и вдовствующую императрицу.

— За эти дни в столице вы помогли мне скрыть многое. — Фань Сянь посмотрел на одинокое дерево в конце старой дороги. — Я действительно хочу поблагодарить вас за это, так что... Что касается товаров, идущих на север, в настоящее время я веду дела с хоу Чаннином и Шэнь Чжуном. Если вашему императору понадобится занять у меня денег, нужно избавиться от Шэнь Чжуна. Этот человек кажется обычным, но на самом деле он очень могущественный.

Помолчав недолго, Хайтан ответила:

— Это наш с вами секрет.

Фань Сянь посмотрел в её сияющие глаза и произнёс отдельно:

— В этом мире, кроме моего шурина, я редко встречал настоящих простаков. Думаете, от кого можно скрыть наш секрет? Додо, в этой поездке в Северную Ци вы явно и тайно оказали мне множество услуг, не думайте, что ваш старший брат по учению этого не заметит.

Хайтан нахмурилась:

— Что вы хотите этим сказать?

Фань Сянь улыбнулся и ответил:

— Я хочу сказать, что, поскольку вы с императором готовитесь избавиться от чёрной тени вдовствующей императрицы, вы не можете полагаться только на придворную борьбу или только на меня, постороннего, в обеспечении средствами. В конце концов, Северная Ци — самая крупная страна в этом мире. Если понадобится захватить её полностью, это будет невозможно без нескольких лет усилий.

Хайтан улыбнулась уголками губ.

— Я думаю, возможно, вы что-то неправильно поняли, господин Фань.

— О? — Фань Сянь улыбнулся: — Что вас беспокоит?

Хайтан, казалось, говорила о чём-то другом:

— Я хорошая ученица и уважаю своих учителей.

Фань Сянь вдруг вставил:

— Чжуан Мохань умер.

У Чжуан Моханя были ученики по всему миру, его глубоко почитала общественность, и, за исключением прошлогоднего случая, к его добропорядочности нельзя было придраться. Даже Хайтан очень уважала этого старика, но сегодня она поджидала посольство в предместьях столицы и не слышала новостей о его смерти. Сейчас, получив скорбную весть, она не могла не ощутить удивление и печаль, которые не знала, как выразить.

Какое-то время в прощальной беседке царил уныние.

Спустя долгое время Фань Сянь нарушил молчание:

— Сяо Энъ умер, Чжуан Мохань умер, когда-нибудь все великие люди постепенно состарятся и умрут. Даже если вы хорошая ученица, которая уважает своих учителей, я думаю, вам следует быть готовой к этому дню.

Хайтан посмотрела ему в глаза:

— Кажется, вы на что-то намекаете, господин.

Фань Сянь улыбнулся и сказал:

— Я всё понимаю, молодёжь горячо желает быть хозяевами своей страны.

Хайтан заулыбалась: печаль от известия о смерти господина Чжуана немного развеялась.

— Почему всякие тяжёлые известия из ваших уст кажутся такими лёгкими? Почему всякие тёмные дела от ваших объяснений сразу становятся ясными?

— Потому что ночь дала мне чёрные глаза, но я должен с их помощью найти свет.

Хайтан склонила голову набок.

— Я помню, вы говорили, что хотите при виде этого мира... закатить глаза.

— Этого мира? — переспросил Фань Сянь. — Этот мир принадлежит им и нам тоже, но со временем... он станет нашим.

По небу плыли плотные облака, полностью скрывая за собой солнце, но оно было таким горячим, что тучи не могли заслонить ярко-красное сияние, пробивающееся по краям — словно небесная фея своими умелыми ручками вышила на них золотую кайму. Порыв ветра с равнины пронёсся по старой дороге и прощальной беседке.

Фань Сянь посмотрел на Хайтан и сказал:

— Додо, спасибо за помощь.

Хайтан наконец вынула руки из больших карманов своей домотканой одежды и поклонилась несколько неловко, как простая девушка:

— Пожалуйста, господин Фань.

В беседке Фань Сянь просто и бесцеремонно шагнул вперёд, сгрёб её руками и обнял. И почему-то Хайтан с её высочайшим уровнем совершенствования не уклонилась от его объятий.

Отпустив её, Фань Сянь искренне, широко улыбнулся:

— Честно говоря, если бы мы с вами действительно могли стать друзьями, это было бы замечательно.

Хайтан легко поправила свои чёрные пряди на висках. На её простоватом лице не было заметно ни малейшей неловкости или смущения из-за тесных объятий только что. Она лишь улыбнулась и ответила:

— Взаимно.

Стоя в полуразрушенной прощальной беседке у старой дороги, Хайтан наблюдала, как фигура Фань Сяня исчезает вдаль. Она чуть склонила набок голову, вспоминая время в столице, и уголки её губ приподнялись в лёгкой улыбке. Она подумала, что молодой господин с юга действительно очень интересный и чрезвычайно проницательный человек. Наверняка после его возвращения в государство Цин в южной части мира произойдут некоторые таинственные изменения.

Она вздохнула, отмахнувшись от скорбных настроений, вызванных известием о смерти Чжуан Моханя, и тут подумала, что всё-таки забыла кое-что: имеет ли к ней какое-то отношение поэтическое общество «Хайтан» в «Истории камня»? Она машинально протянула руку, чтобы потуже перевязать цветастый платок на голове, но обнаружила пустоту. Она тут же отреагировала, залившись краской, и только тогда осознала, что, как бы хорошо она ни скрывала своё состояние, объятия заставили её поволноваться, так что она даже не заметила, как воришка украл её платок.

Фань Сянь сейчас шёл через поле гаоляна, скрывающего его с головой. Время от времени стебли бились ему в лицо и ломались, отчего он невинно и радостно улыбался. Поездка в Северную Ци, наконец, завершилась довольно благополучно, а он после своего возрождения встретил ещё некоторых интересных людей, например, ледяного Янь Бинъюня и Хайтан — казалось бы, вульгарный, но на самом деле незатейливый цветок. Если не брать во внимание конфликт интересов и расхождения в концепциях, ему очень нравилось беседовать с Хайтан.

...Император тоже хотел сына, Ку Хэ тоже хотел есть мясо, калека Чэнь тоже посещал отхожее место, а Фань Сянь тоже хотел завести друзей.

Он засунул за пазуху кусок цветастой ткани, который держал в руках, раздвинул перед собой стебли, посмотрел на редкий, бледный дым, поднимающийся с почтовой станции вдалеке, и тихо пропел:

— Потеряла платок, потеряла платок...

(Конец тома 4 «Туманы Северного моря»)

* чжун - мера сыпучих тел, около 660л

<http://tl.rulate.ru/book/96718/4257976>